

*Предадимся на волю Божию
и тогда увидим Промысл Божий,
и даст нам Господь то, чего и не
ждём.*

Преподобный Силуан Афонский

* * *

— Мама, смотри, царица!

Круглощёкая девочка всплеснула руками и застыла, исследуя взглядом моё пунцовое платье, расшитое золотом. По низу подола струились кружева, слегка приоткрывающие носки туфелек с крупными пряжками. От долгого хождения туфли успели запылиться, хотя и сохраняли некоторое изящество моды великолепного восемнадцатого века. К недостаткам наряда относился корсет, клещами стискивающий рёбра, словно дамы прошлого были не живыми существами, а дубовыми бочками. Величавым движением я откинула атласный шлейф и требовательно посмотрела на Николая. Теперь была его очередь.

Кафтан зелёного сукна с красными обшлагами был ему широк в плечах, а кружевное жабо то и дело сползало набок. С глубоким вздохом

Николай закатил глаза вверх, к плюмажу, который колыхался на тулье шляпы.

Я легонько подтолкнула его локтем, требуя действия.

— Не торопи, Дашка, успеется, — прошипел Николай, — пускай клиент созреет.

Он умел говорить почти не раскрывая рта, отороченного пушистыми кошачьими усиками. Утром я лично наклеила их превосходным рыбьим клеем, похожим на капли расплавленного янтаря.

Сделав шаг навстречу матери с дочкой, Николай растянул губы в сладчайшей улыбке:

— Сударыня, не желаете сфотографироваться с Петром Первым и Екатериной Великой? Исторический кадр на фоне блистательного Санкт-Петербурга — это вам не китайский сувенир с наклейками. Такие прекрасные дамы, как вы, достойны привезти из поездки восхитительный, умопомрачительный парадный портрет.

При желании Николай умел источать бездну обаяния, и щёки женщины зарделись от смущения. По нашему уговору, с дамами общался Николай, а с кавалерами разговаривала я.

Женщина с девочкой явно заколебалась:

— Ну, я не знаю... Мы, вообще-то, приезжие, а в вашем городе такая дороговизна. Денег в обрез.

— Ма-а-м, ну, ма-а-а-м, — заканючила девочка, энергично качая голубым бантом на макушке, — хочу сфоткаться с царицей.

От слова «фоткаться» меня передёрнуло. Ненавижу, когда коверкают русский язык. Это у меня от бабушки — учительницы начальных классов. Если бы эту девочку за каждое нелитературное слово тоже заставляли читать главу из сочинений Тургенева, её речь отличалась бы безупречностью. Правда, с тех пор у меня сложные отношения с Тургеневым.

С треском распахнув веер, я протянула его девочке:

— Если будешь фотографироваться, то я дам тебе подержать веер.

— Мама!!!

Девочка вцепилась в веер бульдожьей хваткой, и я поняла, что победа будет за ней.

— Ну, если только одну фотографию, — сказала женщина.

Она отыскала взглядом Николая, видимо признав в нём главного.

Ловким жестом тот перехватил её руку и поднёс пальцы к губам, изображая галантный поцелуй:

— Ах, сударыня, разве память имеет цену?

Николай был студентом театрального института и любил выразиться высокопарно, чем приводил в трепет скромных провинциальных туристочек.

По негласному преискуранту цен фото с царём или царицей в одном ракурсе стоит двести

рублей. Каждая новая поза — ещё двести. Хочешь запечатлеться в обнимку с царицей? Пожалуйста! Желаеть, чтобы Пётр преклонил колено перед дамой? Нет проблем! Плати ещё двести и наслаждайся своим могуществом.

Через несколько минут кошелёк туристов похудеет, но мы с Николаем едва ли наскребём на тарелку супа, учитывая, что выручкой приходится делиться с хозяйкой костюмерной — бывшей балериной Мариинского театра, а цены на комплексный обед штурмуют новые высоты.

В костюмы императоров мы переодевались в бывшей подсобке обувной мастерской, где до сих пор пахло кожей и клеем, а на самой верхней полке стеллажа грудой валялись болванки для обуви и разнообразные инструменты непонятного назначения. Там было темно, тесно, душно, но зато дёшево. Правда, однажды мыши съели мою пудру, но издержки есть в любом производстве.

В летний сезон ежедневная прибыль получалась солидной. Последние дни заработка шли копейечные: в туристическом бизнесе спад, а на дворе бушует кризис. Счастье, что пока находятся безвольные мамочки, не умеющие отказывать своему чаду, иначе на моём нежном горле сомкнётся костлявая рука ипотечного кредита.

Обняв девочку за плечи, я улыбнулась картинной улыбкой коронованных особ: милостиво и чуть-чуть снисходительно.

Позировать перед камерой я ненавидела, потому что моё детство застряло в памяти непрерывным чувством голода и скрипучим голосом фотографа Стеллы Лю:

— Держи спину прямо! Расслабься! Улыбайся! Не смотри в объектив! Сделай вид, что ты ловишь бабочку! Легче, легче, ещё легче! Не стой, как деревянная, будь пластичнее!

На самом деле Стеллу Лю звали Светлана Люкина, но она предпочитала творческий псевдоним и очень злилась, когда я называла её тётя Света.

Люкина была маминой закадычной подругой, а мама мечтала сделать из меня профессиональную фотомоделю мирового класса. Безумная идея мамы стать матерью знаменитости отравила мою жизнь постоянными диетами, бесконечным выбором нарядов и многочасовыми фотосессиями в любое время дня и ночи.

Ни за что на свете я не желала бы вернуться в холодные студии под безжалостный свет ламп, от которого в зрачках начинали плавать золотые круги. Кстати, глаза болят до сих пор, поэтому в светлые дни я вынуждена носить дымчатые очки. Знакомые говорят, что очки добавляют мне возраста. Пусть так, но я давно перестала заботиться о своей внешности. Это теперь я взрослая двадцатипятилетняя девушка, которая в состоянии распоряжаться своей судьбой, а когда

я девочкой впервые задумалась о жизни, мне было всего девять лет.

...Стелла Лю ворвалась к нам в квартиру подобно пёстрому вихрю, состоявшему из множества юбок, надетых одна на другую. Бритая голова Стеллы с тату около виска нервно подрагивала, а браслеты на руках звенели рождественскими колокольцами.

— Девчонки, вы сейчас окочуритесь от счастья! — Стелла любила щеголять яркими выражениями. — Я получила заказ от глянцевого журнала на две детские фотографии!

Подняв руку, она выбросила вверх два пальца и застыла посреди комнаты как памятник, ожидая восторгов.

От маминого визга у меня заложило уши:

— Стеллочка, ты — гений!

Пока мама обцеловывала щёки Стеллы, я с тоской подумала о долгих часах съёмки, когда одновременно хочется есть, пить и спать, а вместо того, чтобы играть как все нормальные дети, надо кривляться в разных позах и таращить глаза в объектив.

Оторвавшись от Стеллы, мама взглянула в мою сторону, и её губы дрогнули в злой усмешке:

— Стелла, ты посмотри, Дашка не рада! — Я всегда боялась момента, когда мамины глаза становились чужими и колкими. Мамины слова

звучали отрывисто: — Хочешь, милочка, или нет, но я всё равно сделаю из тебя фотомодель и выведу в люди. Ты мне потом ещё спасибо за это скажешь! Я тебя одна ращу, из сил выбиваюсь, а ты мне кислые рожи корчишь?!

Опустив голову, я стиснула зубы, чтобы не расплакаться. На следующей неделе у Оли из нашего класса день рождения, и меня пригласили. Я уже предвкушала весёлый смех друзей за игрой в дартс (Оля заранее похвастала подарком) и огромный праздничный торт со взбитыми сливками и горящими свечами. Торт со свечами представлялся мне чудом. Каждый раз накануне своего дня рождения я с замиранием сердца воображала потушенный в комнате свет, отблески свечей на шоколадном островке и то, как я, надув щёки, стараюсь загасить все огоньки одновременно. Но в лучшем случае я получала обыкновенное пирожное и мягкую игрушку из ближайшего магазина. Мой день рождения мама отмечала со своими подругами. Они болтали, курили, пили вино из высоких бокалов, отмахиваясь от меня как от назойливой мухи.

Интересно, где, когда, на каком этапе рвётся душевная связь между родителями и детьми и они становятся противниками? Мы с мамой отталкивались друг от друга, как однополюсные заряды. Она заставляла меня делать то, что я ненавижу, а я за это начинала злиться и упрямиться.

На задворках сознания тема родительской любви всегда присутствовала в моей жизни, и для себя я решила, что никогда не буду навязывать детям свои правила. Подсказывать, убеждать, направлять — да. Но диктовать — никогда! Пусть они идут своей дорогой и делают свои собственные ошибки, а не исправляют мои.

Правда, ни мужа, ни детей на горизонте не намечалось, и на данный момент у меня не было постоянной работы, но имелась ипотека в банке и крошечная однушка в спальном районе, за которую приходилось вносить очередной пай.

Если бы я знала наперёд, что моя турфирма обанкротится, то не ввязалась бы в авантюру с покупкой, а продолжала жить в съёмной квартире вместе со старушкой Ольгой Семёновной и её шестью кошками. Возвращаться в родительский дом я категорически не хотела. Взрослая девица должна самостоятельно решать свои проблемы. Когда экономика страны даёт крен, первыми падают за борт турфирмы, взаимодействующие с зарубежными партнёрами. Фирма, где я работала старшим менеджером, специализировалась на связях с Египтом и Турцией. Я не помню, что чувствовала и чем занималась в тот день, когда с радаров исчез российский борт, летевший из Египта. Наверное, мой мозг сжалился надо мной, потому что некоторых из пассажиров я знала лично. Запомнились только бескровное

лицо владелицы фирмы и её безумный взгляд, которым она смотрела на рекламный буклет, где морская синь перемешивалась с голубизной небес, опалённых золотом солнца. Дрожащими руками она держала пачку бумаги, а листки, выскальзывая, падали на пол. С побелевших губ слетело короткое:

— Это конец.

Марина Олеговна могла бы и не произносить своё пророчество. Мы — пятеро сотрудников — и без неё понимали, что следующую неделю будем возвращать деньги за проданные путёвки, а потом на дверях фирмы появится скромная табличка с надписью «Закррито».

Мой переход от финансового благополучия к чёрной дыре, наполненной долгами, оказался стремительным. И угораздило же меня закончить Университет сервиса по специальности «туристический бизнес»! Лучше бы выучилась на портниху или маляра-штукатура — ремесло в руках всегда надёжнее нестабильной работы офисной моли.

Менеджеры по туризму нигде не требовались, управляющие — тем более. Через бывших однокурсников я нашла место горничной в открывающемся отеле, а в выходные вспомнила навыки фотомодели, чтобы подрабатывать Екатериной Второй. Хоть и небольшой заработок, но он позволял кое-как сводить концы с концами.

* * *

Накануне открытия отеля работы было не просто много, а очень много. С шести утра я и напарница Женя мыли стены, скоблили полы и, мешок за мешком, выносили строительный мусор. Глядя на царившее разорение, мы с трудом представляли, что первозданный хаос сможет когда-нибудь превратиться в современный интерьер со стильной мебелью, а мраморный пол укроет настоящая медвежья шкура — сейчас она была упакована в огромный ящик у входной двери. Тут потребовались бы не четыре руки, а целый батальон специально обученных Золушек со швабрами наперевес.

Распрямив уставшую спину, я выжала тряпку и обвела взглядом поле деятельности: лестница в брызгах белил, на подоконниках серые разводы от пыли, высокие окна — дань старой постройке в центре города — пестрят отпечатками ладоней.

— Эй, Даша, чайник закипел, пойдём, чайку пошвыркаем, — весело выкрикнула с первого этажа Женя.

Несмотря на возраст — ближе к сорока годам — у неё был звонкий девичий голос и бедовые глаза цвета гречишного мёда. Хозяин отеля привёл Женю всего пару часов назад, и мы ещё не успели поближе познакомиться. Для знакомства и передышки чай подходил как нельзя кстати.

Я шлёпнула тряпку в ведро и спустилась к Жене. Та разложила на газете бутерброды

с колбасой, изгибающейся аппетитными розовыми пластинками, и пачку печенья.

Чесночный запах варёной колбасы показался мне восхитительным. Я сглотнула:

— Спасибо, а то я не сообразила взять обед. Думала, сбегая куда-нибудь перекусить, но вижу, что некогда. — Пряча смущение за улыбкой, я предложила: — Давай, завтра я принесу бутерброды?

— Принеси.

Женя водрузила на стол электрический чайник и две кружки, позаимствованные в кухонном уголке. Мне понравилось, что она не стала отнекиваться и жеманничать. Я всегда предпочитала простые и открытые отношения.

Мы уселись в кресла, плотно укрытые толстой полиэтиленовой плёнкой, которая по-ледяному хрустнула под весом тела.

К моему изумлению, Женя сложила пальцы щепотью и перекрестила еду, а потом прошептала слова молитвы. Перехватив мой взгляд, улыбнулась открыто и незащитно, и я внезапно поймала себя на мысли, что от её действия обычный бутерброд приобрёл какие-то особые свойства и просто обязан стать необыкновенно вкусным.

Женя налила чай, заигравший в гранёном стакане жидким янтарём. Её большие загорелые руки двигались как две усталые птицы. Она откинула со лба растрёпанные волосы и блаженно откинулась на кресле:

— Закончим работу, выйду пройдуся по городу, я ведь Петербург ещё толком и не видела. С поезда сразу сюда, даже в магазин не успела забежать. Хорошо, что еда была с собой, — она кивнула на бутерброды.

— С какого поезда? — удивилась я.

— Из Кишинёва, — тут же отозвалась Женя, — я из Молдавии приехала. У нас там работу днём с огнём не найти, а если есть, то платят совсем копейки. Кто мог, уехали гастарбайтерить в Румынию, но там можно только нелегально. Мне посчастливилось, что знакомые сюда устроили. Век им буду благодарна. Знаешь, я вообще счастливая, — говоря, Женя встряхнула головой, разметав по плечам волосы, густо присыпанные сединой. — Не должна была родиться, а родилась, — словно сказав что-то смешное, она прикрыла рот тыльной стороной ладони. — Мама моя ребёночка не хотела и, чтобы от меня избавиться, на седьмом месяце спрыгнула с лестницы в саду. Но я цепкая оказалась, наверное, сильно жить хотела. Тогда она какой-то гадости напилась. В детском доме мне врач потом сказала, что от этой отравы дети или умирают, или глухими рождаются. А я, видишь, и жива осталась, и слух как у собаки. Счастливая, правда?

Она действительно лучилась радостью, спрятанной в морщинках у глаз.

Чтобы оправиться от шока, я сделала огромный глоток чая и сдавленным голосом пробормотала:

— Да уж, счастья хоть отбавляй. Так ты детдомовская?

— Ага! — Женя закинула руки за голову и упруго выгнулась, удивляя мягкой грацией своего крупного тела. — Мне с детским домом тоже повезло. Правда, сначала я была в одном интернате, потом в другом. Детские дома открывали, закрывали, укрупняли, разъединяли, и воспитанников швыряли из угла в угол, как кутят. Успела хлебнуть шилом патоки. А к шестому классу меня перевели в интернат для умственно отсталых, — она взглянула на меня с хитринкой. — Но ты не думай, я совсем не была дурочкой, просто забитая очень. У отказных сирот жизнь не сахар: или ты даёшь сдачи, или тебя лупят, а драться я не любила. И сейчас не представляю, как можно человека ударить. Бывало, сожму кулак, подниму руку, а стукнуть не могу, даром что сильная и крепкая. Вот меня девчонки в спальне и использовали вместо боксёрской груши, а я только молча плакала.

Рассказ явно вызвал у Жени болезненные воспоминания, потому что её лицо приобрело по-детски трогательное выражение обиды.

Я не знала, что сказать в ответ, и молчала, пытаясь переварить услышанное. Детские дома, мать, убивающая нерождённого ребёнка, драки в интернатских спальнях для меня, домашней девочки, существовали в иной реальности, непостижимой

и страшной. Мне стало стыдно за детскую обиду на маму по поводу именинного торта. Правду говорят: всё познаётся в сравнении. Не издав ни единого звука, я открыла и закрыла рот.

Но Жене не потребовалась моя реплика. Доев бутерброд, она сказала:

— Да что сокрушаться впустую: детдома остались в прошлом и я стараюсь их не вспоминать. Зато в интернате для умственно отсталых у меня сразу появились настоящие друзья: Оля и Петрусь. Оля была такая маленькая, тоненькая, скукоженная, только глаза как блюдца. И добрая. Она всех любила, даже тех, кто над ней издевался. Как-то раз я похожего котёнка на картинке видела. До сих пор жалею, что не нашлись копейки купить ту открытку. Я тогда совсем на мели сидела, даже на хлебе экономила. У Оли ноги плохо ходили, и она по полу не ползала, а прыгала, как лягушка. Шлёп-шлёп. А Петрусь, наоборот, — крепыш, — Женя жестом обрисовала полусферу, закончившуюся в районе её плеч. — Он меня ото всех других ребят защищал. Один раз его из-за меня даже на уколы посадили, чтоб не буянил. А он всего только и сделал, что Борьку Подопригору оттолкнул. Правда, Борька на санитарку упал, а санитарка лампу со стола свалила и устроила короткое замыкание.

— А где они сейчас, твои друзья? — спросила я, до боли желая услышать в ответ, что Оля с Петрусем живы, здоровы и благополучны.

Женины глаза заморгали часто-часто, и я испугалась, что она сейчас расплачется. Но Женя справилась с собой, лишь голос стал тише и глуше:

— На небеса ушли. Такие, как они, долго не живут.

Тяжёлые слова падали спокойно и ровно, как камушки в воду.

Я шёпотом сказала:

— Бедные.

— Что ты, Даша, они счастливые! — горячо перебила меня Женя. — Им там хорошо, спокойно. Это мне без них плохо. Никак не могу привыкнуть к мысли, что их нет на свете. Я ведь ради Оли с Петрусем старалась в люди выбиться. Училась на одни пятёрки, книжки читала, потом в сельхозтехникум поступила. Думала, встану на ноги, заберу их к себе. Будем жить как одна семья. А в тот год, когда диплом получила, в интернате вспыхнула инфекция. Лекарств вовремя не нашлось, и очень много воспитанников умерло.

Я встала, обошла кресло и обняла Женю за плечи. Иногда для того, чтобы разделить с человеком пережитое, лучше вместе помолчать, чем говорить пустые слова. Она накрыла мою руку своей большой рукой, и какое-то время мы сидели рядом, словно две сестры, связанные родственными узами. Я чувствовала, что теперь моя очередь рассказать о себе, но то, что приходило на ум, казалось глупым и никчёмным.

Не сообщать же о мечтах об именинном торте. Поэтому я глубоко вздохнула и произнесла то, чем никогда не делилась с посторонними:

— А у меня в день свадьбы жених сбежал. С лучшей подругой.

Женя охнула:

— Неужели?! Я такое только в сериалах видела, — она недоверчиво посмотрела на меня и пожала плечами: — Твой жених совсем дурак. Ты такая красивая... Сероглазая, и волосы мягкие, как шёлк. Мне бы такие... — она запустила руку в копну кудрей и шутливо приподняла вверх жёсткие пряди.

Мои волосы по сравнению с Жениными действительно выглядели русалочьими косами. На свадьбу я уложила причёску корзинкой, а когда Вадим улетучился, то с горя хотела подстричься под мальчика.

Я вздохнула:

— Представляешь, я уже в белом платье стояла. Знаешь, у меня фата была, такая, воздушная, в мелких розочках, — я сбивчиво начала описывать фату, платье и туфли, за которыми оббегала полгорода, и в итоге заказала по Интернету. Я так долго и тщательно старалась затолкать тот проклятый день на задворки сознания, что сейчас воспоминания вылетали наружу со скоростью электрических импульсов. — Представляешь, Вадим даже не соизволил объясниться лично.

Он просто прислал СМС, что не придёт на свадьбу, потому что любит Ирку, — я истерически хохотнула. — Я с ней вместе в детский садик ходила, за одной партой сидела. Мы ночевали друг у друга, делились секретами. Ирка выбрала мне свадебное платье и помогала составлять меню для свадебного банкета.

Внимательно слушая, Женя кивала головой, а я распалаясь всё больше и больше, поддаваясь тому чувству унижения, которое грызло меня изнутри со времени неудачного замужества. Чувства к Вадиму давно перегорели, да и были ли они? А вот обида осталась и жгла до сих пор. Закончилось всё тем, что я закрыла лицо руками и разрыдалась. А когда подняла глаза, Женя стояла рядом и держала в руках какую-то вещь наподобие лопаты, туго запакованную в газетную бумагу.

— Знаешь что? Возьми. Я, когда мусор выносила, на помойке это нашла.

Мой плач оборвался на полувсхлипе. Резко втянув воздух ноздрями, я ошалело уставилась на непонятный предмет.

— А что это?

— Не знаю. Пусть будет тебе сюрприз. Мне всё равно хранить негде. Я ведь буду здесь жить, при отеле, в дежурке, а там нет лишнего места. Зато есть мягкий топчан, — Женя блаженно улынулась. — Говорю же, повезло мне родиться счастливицей!

* * *

Непонятную штуковину — то ли весло, то ли лопату — я несколько раз порывалась выбросить по дороге, но меня остановило прирождённое любопытство и стыд перед Женей: ведь завтра она наверняка спросит, что скрывалось под газетной обёрткой. Мы специально не стали сразу распаковывать свёрток, оставляя «на сладкое» кусочек тайны, а потом занялись уборкой и к вечеру совершенно выбились из сил. Диванчики вокруг кадки с фикусом мы расставляли уже на автопилоте, и я подумала, что завтра, на свежую голову, найдём немало недоделок.

Женя отпустила меня немного раньше:

— Езжай домой, Даша, а я чуток передохну и протру пыль. Завтра увидимся. И не забудь забрать подарок.

Я тащила свёрток домой с тяжкими вздохами каторжника, прикованного к галере, и поминала недобрым словом чемодан без ручки, который и нести неудобно, и бросить жалко.

Для сентября вечер выдался на редкость тёплый и туманный. В городе пахло дождём и прелыми листьями. Окна домов отбрасывали на дорогу электрические брызги света. В луже у края дороги золотой лодочкой качалась распахнутая кленовая ладошка. Я жила в районе новостроек-муравейников, где каждый дом возвышался над мостовой как маленький город.

Разлитый в воздухе покой медленно снимал с моих плеч дневную усталость и настраивал на мирный лад мысли, растревоженные разговором с Женей. Мы с ней обе разоткровенничались, и, прощаясь, я ощутила лёгкую неловкость, потому что в принципе не была любительницей выставлять напоказ свои чувства. Да и рана в душе, оказывается, ещё не зажила. Я сжала губы и попыталась отогнать от себя навязчивый образ Вадима, каким запомнила его в день помолвки. Мы сидели в маленьком ресторанчике на Казанской улице, и я сосредоточенно изучала меню, когда официант поднёс к нашему столику огромный букет роз, поставленный в ведёрко вместе с шампанским. Торжественно привстав со стула, Вадим опустился передо мной на одно колено и протянул коробочку с кольцом.

— Дарья Савельевна, я прошу вас стать моей женой.

Тщательно продуманная сцена вызвала моё смущение и восторг посетителей. Под шквал рукоплесканий Вадим стоял на коленях до тех пор, пока я не произнесла:

— Да.

Вадима всегда тянуло к позёрству. Наверное, я должна была прийти в восторг, но я чувствовала себя захудалой актрисой провинциального театра и едва сдерживалась, чтобы

не расхохотаться. Мне нравился Вадим, и я само-надеянно думала, что он жить без меня не может.

Боже мой, что я себе вообразила? Никакой любви нет и быть не может. Есть совместное проживание, домашние обязанности, финансовые интересы, сексуальное влечение... И не более того.

Под тяжестью груза руки стали деревянными. Я закинула свёрток на плечо наподобие мотыги.

«Зато теперь я свободна, легка и весела», — подбодрила я сама себя на подходе к дому, перебивая унылые мысли о паре яиц в пустом холодильнике.

На скамейке у парадной, как обычно, сидели два дедка с банками пива в руках. Одного из них звали Палыч, а другой настаивал на Воване, и резко поправил меня, когда я как-то назвала его Владимиром и поинтересовалась отчеством. Оба старика мощно помогли мне при переезде: Палыч собрал раскладной диван, а Вован установил всю сантехнику и денег не взял, сказал: изголодался по работе. Пожалуй, на данный момент они были моими единственными друзьями, потому что после предательства Вадима и Ирки я прекратила отношения со всеми друзьями, кроме морской свинки Фили. На восьмом году жизни малыш скончался от старости и, я надеюсь, сейчас пребывает в своём маленьком свинячем раю.

Я замедлила шаг и поздоровалась.

Палыч отсалютовал мне банкой пива, а Вован лениво почесал тощую ляжку, обтянутую спортивными брюками, и кивнул на неизвестный предмет на моём плече:

— Прялку купила?

«Прялку?» — я растерянно похлопала ресницами. Как же мы с Женей сразу не догадались? Хотя где детдомовская Женя могла видеть прялку? Да и я тоже знакома с данным предметом ушедшего быта только по картинкам.

Вступать в разговор с Вованом мне не хотелось. Я коротко кивнула и пошла дальше, мучительно размышляя, зачем на мою голову свалилась прялка и что я буду с ней делать.

Я въехала в новую квартиру год назад и ещё не избавилась от трепетного чувства радости, когда в замке поворачивается ключ и распахивается дверь в мои собственные хоромы в двадцать пять квадратных метров, включая душ с санузелом.

Швырнув прялку под рогатую вешалку, я осмотрела комнату, символически отделённую от кухни в ярко-зелёных тонах весенней травки. Барную стойку, отгораживающую кухню от жилого пространства, я установила сама, чем страшно гордилась. Раскладной диван удалось недорого купить на распродаже. Вплотную к дивану стоял белый журнальный столик с ноутбуком. Обстановку комнаты дополняли простецкий комод,

заменявший шкаф, и старинный стул с гнутой спинкой, фирмы «Тоннет». Стул я подобрала на помойке и самолично покрыла лаком.

Значит, прялка. Кажется, к ней в комплекте должно прилагаться веретено. Так, по крайней мере, говорилось в детских сказках. Любопытство толкнуло меня под локоть. Забывая об ужине, я схватила прялку и содрала верхний лист газеты, скреплённый скотчем. Тёплое дерево скользнуло под ладонями нежно и гладко. У меня захватило дух. Краска была такой свежей, словно прялку однажды облило солнышко, да так и прилипло к гладко оструганному дереву. На коричневом фоне ярко и пышно цвела голубая роза и полукругом тянулась чёрная надпись: «С силой от Силы».

Я прижала руки к загоревшимся щекам и некоторое время стояла неподвижно, а потом подошла к окну и упёрлась лбом в холодное стекло. Я не смогла бы описать свои чувства, но понимала, что откуда-то издалека ко мне протянулась тонкая ниточка, за которую я обязательно должна ухватиться.

«С силой от Силы»...

Какое красивое и необычное имя.

Сквозь стекло я смотрела на густые синие сумерки, вспыхивающие огнями фонарей, и пыталась представить мастера Силу и тех, чьи руки касались этой прялки.

* * *

...Когда у ворот повитухи Агафьи остановилась крытая бричка, Агафья обряжала корову к вечерней дойке. Сквозь оконце, затянутое бычьим пузырьём, она разглядела тёмный силуэт в накидке с капором и поджала губы. Дочь генерала Туманова Елизавета ходила со вздёрнутой кверху головой, будто высматривала что-то в небесах, презирая грешную землю.

Нарочито медленными движениями Агафья протёрла коровье вымя, шепча молитовку святому Власию — покровителю коров.

— Преблаженне и приснопамятне священномучениче Власие, дивный страдальче и предстателю наш теплый, по отшествии твоём в жизнь вечную призывающим твое святое имя пособствovati и во всяких прошениях услышанным быти обещавай!

За спиной она чувствовала присутствие гостя, но головы не поворачивала, только шея стала будто каменная.

— Агафья, — прошелестело по хлеву и смолкло.

Агафья стиснула в руках тугие соски набухшего вымени, и струйки молока звонко ударили о дно бадейки. Бадейка у Агафьи была знатная — медная. Прежняя барыня, Царствие ей Небесное, за верную службу подарила.

— Агафья! — теперь голос звучал настойчивее, мешая сосредоточиться на молитве.

Вошедшая тяжело дышала и нетерпеливо перебирала ногами, ровно застоявшаяся лошадь.

От неловкого движения Агафьи бурёнка сердито хлестнула хвостом по круглому боку, горьковато и терпко пахнущему молоком, навозом и травами.

— Агафья, ты слышишь меня или нет? Моей сестре срочно нужна твоя помощь. Ты должна поехать со мной. Я хорошо заплачу.

Понимая, что от ответа не уйти, Агафья досадливо перевязала платок и косо глянула в сторону барышни:

— Слышать-то слышу, а отвечать не хочу. Уходите, барышня, негоже вам в хлеву ноги пачкать.

Гостья подошла ближе, и Агафье показалось, что она чует запах горячей смолы на факелах, а в ушах звучат утробные вопли, не похожие на людскую речь.

— Но почему, Агафья? Что я тебе сделала?

Бросив дойку, Агафья резко поднялась со скамьи. Она была невысокого роста, поэтому говорить приходилось задирая голову вверх. От этого голос звучал фальцетом:

— Я видела вас, барышня, тогда... — она не договорила, но угадала, что её ответ понят. — Я не помогаю таким, как вы с сестрицей.

— Но Бог велел помогать всем. Ты же веруешь, Агафья. И не имеешь права отказать умирающему. Там кругом кровь. Я никогда не думала,

что в женщине может быть так много крови. А если бы ты слышала, как она кричит!

От тёплой темноты в хлеву и мерного хруста сена в коровьих губах тишина вокруг казалась зримой.

— К лекарю вам надо, барышня, а не к простой бабе.

— Нельзя нам к доктору! Ни одна живая душа не должна знать! Пойдём, Христа ради!

Барышня откинула капюшон, и её глаза блеснули двумя потухающими угольями.

Агафья фыркнула:

— Ишь ты, «живая душа не должна знать», — передразнила она. — А я, значит, не живая?

Агафья всё ещё упиралась, но знала, что пойдёт, потому что было произнесено имя Его и идти надо не для заработка или даже милосердия, а за ради Господа Бога. За Ним Агафья была готова следовать хоть в преисподнюю.

Захудалое именье, доставшееся сёстрам Тумановым в наследство от батюшки, лежало в пяти верстах по окольной дороге через лес. Всю дорогу Агафья сидела, вжавшись в угол брички, пустыми глазами глядя, как месяц купается в бурунах облаков, и гадала, вернётся ли обратно живой или сгинет без следа, как о прошлом годе неизвестно где исчез пастух Макарка Долговязый. Поговаривали, что в последний раз его видели аккурат возле владений Тумановых.

Да и вообще тёмные дела творились вокруг той усадьбы, можно даже молвить — непотребные.

Свидетелем тому была сама Агафья, когда по осени забрела к Тумановым в поисках корневищ конского щавеля — первейшего средства затворить кровь. Щавель в округе последние годы повыродился, вот и приходилось плутать по дальним заимкам. Сентябрь стоял звонкий, прозрачный, ровно колокольчик из-под дуги рысака. Прикрытый последней листвой лес просматривался насквозь, поэтому Агафья издалека смогла рассмотреть столбы огненных сполохов. Усадьба Тумановых давнёхонько стояла пустая, и Агафья на всякий случай перекрестилась:

— Свят, свят, свят! Не пожар ли?

Не ровен час, покатится огненный вал по лесу, разоряя деревни и оставляя горемычных сирот без кола, без двора.

Убежать бы, упредить народ, чтобы багры готовили да воду таскали, но ноги сами понесли к пожарищу. А как подобралась близенько, как глянула, да так и осела в куст: батюшки светы, срамота такая, что и думать грешно.

Дверь в покосившийся особнячок Тумановых была распахнута, и по обе стороны крыльца стояли раздетые мужики с факелами в руках. С возрастающим ужасом в одном из них Агафья признала урядника, а второй был молодой купчик, чей папаша держал мучные склады на пристани.

Собрав комком концы платка, Агафья прикусила их зубами, чтобы не пикнуть, и стала отползать назад, в спасительную темноту. Больше всего сейчас она боялась оказаться замеченной или узнанной. В колеблющемся свете факелов было видно плохо скошенную траву во дворе и чёрную козлиную тушу с оскаленной мордой, которая лежала на большом белом камне.

«Свят, свят, свят, силы небесные!» — колотился в виски безмолвный крик о помощи к Вышнему.

Не умом — чутьём звериным Агафья учуяла, что рядом происходит что-то страшное, непонятное, нечеловеческое.

Потом внутри дома что-то то ли хлопнуло, то ли лопнуло, и из двери стали выбегать девки Тумановы в погребальных саванах и с распущенными волосами.

— Слава богу Перуну! — размахивая факелом, вскричал купчик, бросаясь к туше на камне.

Что происходило далее, Агафья не увидела, потому что сумела скатиться в овражек и опосля без памяти бежала по лесу напрямки, а всю следующую неделю не выходила из церкви, прося Господа, чтобы не ослепил её за то, что очи узрели этакое непотребство.

* * *

Бричка остановилась возле конюшни. Бросив вожжи, Елизавета Петровна привычно

спрыгнула с облучка, словно бы всю жизнь занималась извозом.

— Приехали.

— Вижу, барышня, что приехали, чай не слепая.

Сейчас двор генеральской усадьбы зиял пустотой. Флигель за углом дома стоял заколоченный двумя досками крест-накрест. Ножки скамейки укрывали заросли бурьяна. Давно не метённая тропка к крыльцу щетинилась сухой травой.

Заприметив камень, на котором прежде лежал козлице, Агафья передёрнулась от отвращения, но бранное слово придержала, крепко прижав к груди торбу с иконой Богоматери «Помощница в родах», без которой к роженицам и шагу не ступала.

Кровь, действительно, была повсюду, и даже на ступеньках крыльца с разбитой посередине половицей.

Хозяйской поступью Елизавета Петровна пошла впереди, указывая дорогу, испещрённую кровавыми следами:

— Нам сюда.

Она ввела Агафью в тесную комнатёнку, наполненную тяжёлым запахом бойни. Простоволосая девушка, стоящая у кровати, подняла на них глаза, полные ужаса.

— Барышня, барыня умирает.

Агафья наперечёт знала всех девок в ближних деревнях, но эта была незнакома. Видать, с собой из города прислугу привезли.

Комок атласных одеял на кровати шевельнулся, изрыгнув хриплый стон пересохшего горла:

— Лиза, помоги, мочи нет.

— Агафья, сделай что-нибудь! — на высокой ноте завизжала барышня Елизавета Петровна и затопала ногами. — Надин не должна умереть!

— Всё в воле Божией, — сказала Агафья и повернулась к девушке: — Живо носи кипяток травки заварить и чистые простыни. А ты, барышня, спроворь горячего чаю, да сахара не жалеяй.

Под бурные всхлипы Елизаветы Петровны она почти взашей вытолкала ту из комнаты и распахнула окно настежь. В лицо ударила волна свежего воздуха, напоённого ароматом сосновой хвои. Воздуси — они тоже лечат.

Скинув салоп на стул у стены, Агафья приблизилась к лежащей, чьё бледное лицо сравнялось цветом с белоснежной наволочкой, а широко распахнутые глаза смотрели мутно и безнадежно.

— Помоги, Царица Небесная, — громко сказала Агафья в сторону котомки, где лежал заветный образ. Вынуть его в поганом месте она не решилась. Перед глазами в квадрате окна качались листья старой берёзы, готовой вот-вот рухнуть. Она засучила рукава и начисто вымыла руки в тазике с тёплой водой.

Есть ли на свете большее таинство, чем появление новой жизни, когда из человеческой плоти и крови зарождается образ Божий?

Вековые слова молитвы, которыми Агафья испрашивала помощь Господа, дарили умение и надежду.

«Никто как Бог. Только Он да Пресвятая Богородица — надёжа и опора нам грешным. Не отринь, не остави, спаси и защити!»

Агафья хранила уверенность, что первый вздох младенчика ловят Ангелы, ликуя на небесах. И она вместе с ними, принимая детей, смеялась и плакала.

Тихое мяуканье, похожее на кошачий чих, прокатилось по комнате ближе к полуночи, и сразу же на впалых щеках роженицы заиграл живой румянец:

— Хочу спать и есть.

«Оклемается теперь барынька, не пришло ещё ей время помирать». — Агафья услышала, как где-то в глубине дома пробили часы, горохом роняя звуки на крашенные половицы.

Младенец, лёжа на простыне, сучил ножками, и его голубые глаза взирали на мир с безмерным удивлением.

— Мальчик у вас, барыня.

Агафья уловила ответный вздох благодарности, отдала ребёнка на руки Елизаветы Петровны и повернулась, чтобы уйти.

— Деньги возьми да молчи о том, что знаешь.

С покрасневшим лицом Елизавета Петровна протянула засаленную банкноту, но её рука

повисла в воздухе. Хоть и нуждалась Агафья в деньгах — вдовья доля несладкая — но плату за труды не взяла, побрезговала.

— Не надобно мне ваших денег, барышня, а сестре вашей семь дён щавелевый корень заваривайте. Пришлите ко мне девку, я дам.

От того щавелевого корня вновь потянулась ниточка памяти к богомерзкому капищу с козлиной мордой на камне, и к выходу из дома Агафья почти бежала, даже брочку у хозяйки не спросила. Лучше до рассвета на кочке просидеть, лишь бы далече от проклятого места.

Рассыпая в воздухе комариный зудёж, ночь качала луну на кромке леса. Домотканой дорожкой под ноги стелились некошенные травы. Пусть себе растут, пока не придут мужики с литовками и бабы с граблями — недолог век травостоя, всё сжуют коровушки за долгую зиму.

В полосе тумана Агафья поёжилась да вдруг охнула:

— А салоп-то! Салоп забыла! Совсем новый, лет пять назад куплен у захожего офени. Ох, ахти мне! Ох, батюшки, дура старая!

Ради денег Агафья не стала бы возвратиться, но этот салоп был её родной, любимый, с малой заплатой на рукаве, под которую зашит лепесток одолень-травы для крепости.

Дверь в дом осталась незапертой. Агафья быстро поднялась по скрипучей лестнице и миновала

длинный тёмный коридор, едва освещённый свечой в настенном подсвечнике. С хрипом откашлявшись, часы отсчитали два удара. Было в покое дома что-то тревожное и жутковатое. Агафью ажно до печёнок пробрало, хоть она считала себя бабой неробкого десятка.

За полуоткрытой дверью, где лежал забытый салоп, спала роженица. Но Агафья шагнула мимо, туда, откуда слышалась непонятная тихая возня.

Со своего места она видела только напряжённую спину барышни Елизаветы Петровны, склонённую над кадкой с водой. Двумя руками барышня удерживала на дне кадки какой-то груз. Агафью мигом окатил ужас.

— Не дам! — не помня себя, закричала она на весь дом. Под руку попался сложенный кружевной зонтик, и она со всей силы ударила по склонённой спине. — Не допущу душегубства!

Удар пришёлся вскользь, по плечу, но этого оказалось достаточным, чтобы барышня отлетела к стене, глухо стукнувшись о ножку стула.

Большой птицей Агафья метнулась к кадке, выхватив оттуда безжизненное тельце ребёнка. Его головка болталась из стороны в сторону, а холодная мокрая кожа цветом была схожа с окрасом лягушачьей шкурки. Одним рывком Агафья сорвала с себя платок. Крохотное тельце младенчика под её движениями заиграло, задвигалось, покраснело.

— Нет, не трогай его, он должен умереть! — вскрикнула и замолчала Елизавета Петровна.

С радостью Агафья увидала, как ротик ребёнка дрогнул, выпуская наружу струйку воды. Он заплакал тонко и жалобно, разрывая душу мольбой о помощи. Агафья завернула мальчика в платок и прижала к груди. Если бы её глаза могли жечь, то превратили бы барышню в кучку пепла.

Тыльной стороной ладони та вытерла кровь из разбитой губы и зло сказала:

— Ты не понимаешь! Этот ребёнок появился в ту ночь, когда ты нас видела. Не представляю, какой бес нас обуял, но всё, что происходило здесь, — порождение дьявола.

Растрёпанная, с тяжёлым дыханием ненависти, Елизавета Петровна выглядела почти безумной.

Ссутулившись и прикрывая собой ребёнка, Агафья медленно повернула голову, окатив холодным взглядом сидящую на полу Елизавету Петровну и прислугу в углу коридора.

— Любое чадо — Божий дар, и не вам судить ему жизнь или смерть.

— Дура! — отбросив этикет, выкрикнула Елизавета Петровна и сразу стала похожа на деревенскую бабу. Она оперлась локтем о стену, но попытки встать не сделала. Её лицо перекосила болезненная гримаса. — Этот ребёнок никому не нужен. Он незаконнорождённый, байстрюк.

Если Надин принесёт его в дом, муж выгонит её со скандалом. А если ребёнок исчезнет, то Жорж сделает вид, что ничего не произошло.

Тёплый комок у груди Агафьи дышал, возился, легонько дрожал, как слепой кутёнок. Она перехватила его рукой и посмотрела на барышню. Ей много раз в жизни приходилось принимать важное решение. То, что было на языке в эту минуту, придало голосу твёрдости:

— Я возьму мальчонку себе. — Она кинула быстрый взгляд в сторону служанки: — А ты ступай, принеси мой салоп из комнаты барыни. И бричку подгони, пешком не пойду, чтобы дитё не оголодало в дороге.

* * *

Откель у Агафьи появился малец, в селе не знали. Агафья была баба крепкая, что дубовое полено, и язык попусту не распускала. Сказала, как отрезала: «Бог послал».

Никто особо и не удивлялся: мало ли огольцов нищенки под двери подкидывают? А сироту приютить — дело божеское. Иной семье ради приёмыша даже мешок-другой зерна община за добросердие выделяла. От зерна, а ещё лучше, мучки, Агафья не отказалась бы, но и особой нужды не испытывала. Повитуху в селе уважали, некоторые при встрече в пояс кланялись, а уж как поможет матери здоровым ребёночком

разродиться, так, бывалоча, полны руки подарков наберёт. Тут тебе и яйца, и свежанина или солонина, а то и мера гречи либо горсть монет. И сама сыта, и нищим подать хватает. Нищих Агафья особо привечала — знала, что в их облике Господь по земле бродит.

Крестили дитяню Силой, аккурат тогда, когда припело сеять озимую рожь. Все знают, «на Силу и Силуана рожь бывает пьяна», потому как от тяжести голову к земле клонит.

Перед крестинами Агафья начисто вымыла пол, протёрла маслом тёмные лики икон в красном углу и затеплила лампадку, чтобы когда придут из церкви с новокрещёным, Ангелу в избе было радостно. В ту пору любое дело у неё в руках ладилось, а на сердце такое счастье накатывало, что хоть песни ори. Подумать только, в избе снова дитя в зыбке качается. Зыбку Агафья с чердака достала: её ещё муж-покойничек из лучины сплёл. Подвесила её к матице на потолке, села и заплакала, потому как не чаяла уже начать жизнь заново.

Прежде Агафья пережила пятерых деток — двух мальчиков и трёх девочек. Вспомнив усопших, Агафья смахнула мизинцем слезинку с ресниц и положила поклон перед иконами, чтобы не забыл их Господь во Царствии Своём. Все померли во младенчестве, один Егорушка до отрока дожил. А потом в село пришёл детский мор, и добрая половина ребятишек переселилась

на кладбище. Бабий вой над селом столбом стоял. Вслед за Егорушкой схоронила и мужа — лошадь копытом в голову ударила. Плакала опосля, молилась перед иконами, лбом о пол колотилась, просила: «Дай силу, Господи, дай!» А Он, милостивец, и услышал.

Теперь Силушке на ножки встать бы, уж больно он слабенький. Вон лежит, жёваный хлебец через тряпицу посасывает, и хоть когда голос дал бы. Иные младенцы на всю деревню глотку дерут, а он ровно котёнок мяукает, тихонько так, мягонько: «Уа-уа». Сиротинушка безматерняя. Про то, что барышня Елизавета Петровна припечатала Силу дьявольским отродием, Агафья старалась не вспоминать, хоть те слова и точили мысли. Но не потому, что на ребёночке печать лежала, а потому, что нельзя чистое дитя грязным пачкать. Грех, он на родителях лежит, а ребёнок безгрешным на свет появляется, и только от него зависит, сможет ли он жить по святым заповедям.

Не попади Сила в добрые руки, может, и не судьба ему выжить. Но Агафья из кожи лезла, чтобы ребёнка выпестовать и из рожка молочком выпоить. Молоко давала не от своей коровы, а брала козье, от соседской козочки. Козье молоко для мальцов полезнее, от него золотухи не бывает.

Сестёр Тумановых Агафья больше не видела. Даже за щавелевым корнем девка от них не заявлялась. Но Марья, жена кузнеца, сказывала,

будто генеральские дочери именьеце продавать собираются, и покупатель уже приезжал. Говорят, лесозаводчик то ли из Вологды, то ли из самого Санкт-Петербурга.

Так бы и жили Агафья с Силой в миру и покое, если бы однажды, на седьмом годке, не приключилась беда.

* * *

Как и все мальцы на селе, Сила знал, что если обмазать корзину навозом и дать застыть, то получатся отличные сани, чтобы кататься с горы за селом. Огромная гора с укатанной дорожкой, похожей на отбелённое полотно, виднелась из малого оконца возле печки. Визг там стоял с утра до вечера.

Корзину Сила сам выбрал на чердаке и сам обмазал в хлеву густой коричневой кашцей. Вспотел, умурзался. Смешно и любо. Бабаня потом едва сумела его в бане отмыть, да в назидание легонько веником по ногам отхлестала:

— Такую корзину стравил, пострелёнок! Не суйся больше на чердак без спросу!

От распаренного веника к спине прилипали пахучие берёзовые листочки, и Сила поймал мыслишку, что листочки рады послужить в баньке, а не гнить под ногами в осеннем лесу.

Сила понарошку жмурился, даже всплакнуть попробовал, но не получилось, потому что бабани

он совсем не боялся. У неё были белые руки, сладко пахнущие травами, и спокойные добрые глаза, в россыпи тонких морщинок. Сила любил рисовать бабанины глаза палочкой на песке, а если вокруг ока начертать лучи, то получалось весёлое солнышко.

Испорченную корзину бабаня простила, а опосля перетянула ему армячок пеньковой верёвкой, чтобы не расхристался, нахлобучила шапку-треух и разрешила кататься с горы, но осторожно и не баловать.

Когда Сила выкатил со двора свои новенькие сани, день уже близился к полудню. Зима спустила с небес снежные облака и раскидала их по земле, укутав и лес, и деревню, и выгоны скота за околицей. Ветер улетел, и серые дымы из труб тянулись вверх ровнёхонькими дорожками. Тёмная дранка на крышах изб горбатилась наподобие рыбьей чешуи, и лишь церковная колокольня в лучах солнца горела яркой восковой свечой. По-собачьи поведя носом из стороны в сторону, Сила угадал, что тётка Матрёна печёт хлеб, а бабка Паланя томит в печи чугун кислых щей.

На горе уже было чернёшенько от ребятишек.

Сила на пузе перевалил через снежный вал, успев языком лизнуть колкую горстку снега. В носу защекотало, и он засмеялся, подхватывая общий смех, разлетающийся по ветру.

— Эй, Сила, дуй сюда, — с верхушки горы замахал дянкой¹ дружок Макарка, — вместе покатым!

— Э-ге-гей! — отозвался ему Сила. И не потому что Макарке надо непременно ответить, а потому что захотелось покричать, глубоко захватывая ртом холодный воздух.

На подъёме в гору его едва не сбила с ног корзина с Танькой. Танька вечно куда-нибудь несётся, «что Мариша с пробкой», говорит про неё бабаня. Почему Танька — Мариша, Сила не понимал, но бабанина шутка ему нравилась. Бабаня вообще умела припечатать острым словцом.

После Таньки мимо с гиканьем пролетел Макарка, и Сила заторопился наверх, замирая в предвкушении сладкого страха от бешеной скорости. Начерпывая снег в валенки, он туго вбил в корзину:

— Поберегись!

В лицо ударил ядрёный ветер. Снежная пыль царапала щёки, забиваясь в ноздри. Сила крепко зажмурился, выплёскивая в визге волну восторга: любо, ой любо жить на белом свете!

В самый разгар веселья Сила увидел, как из-за поворота выехали сани старосты Ивана Ивановича, запряжённые низкорослой каурой лошадкой по кличке Зорька.

¹ Дянка — варежка (новг. диалект).

— А Иван Иванович-то не один. Глянь-ка, ещё кто-то в санях сидит, — громко сказала Танька, и все ребятишки стали пристально всматриваться и гадать, кто приехал в их село.

— Тётка, — сказал Макарка.

— Барыня, — уточнила Шубникова Дуська, хозяйка самых больших санок. За её полушубок цеплялись малыши: брат Петька и сестра Файка. — Точно, это барыня. Одета не по-нашему.

Её слова щёлкнули на воздухе словно пастуший хлыст, сметая с горы любопытных огольцов. От весёлой давки стало тесно и жарко, но уже через мгновение Сила вместе со всей ватагой бежал за санями, подталкивая локтями то Макарку, то Таньку.

Когда сани остановились у бабаниной избы, Сила с важностью осмотрел притихших ребятишек:

— К бабане гостя. Небось, приехали младенца повивать.

В его душеньке ярко вспыхнула и засветилась надежда, что после повивания бабаня принесёт корзину с гостинцами. Давеча она убрала на полку настоящий печатный пряник, на Масленицу мясопуст подсластить. Сила уже представлял духмяный запах пряного печива с беловатой сахарной корочкой. Перед тем как есть, пряника надо вдосталь нанюхаться, а затем положить крупицу на язык и замереть в тягучей истоме сладкого восторга.

Протянув каурке пук соломы, староста почему-то не уезжал, и Сила понял, что гостя — важная птица.

— Дядя Иван, ты кого привёз? — спросил он на правах хозяина.

Но Иван Иванович сердито уткнул лицо в ворот тулупа, оставив торчать наружу клочок бороды:

— Много будешь знать — скоро состаришься.

О старости Сила ещё не задумывался, а вот любопытство нешуточно поджигало его за пятки, подговаривая скользнуть в сенцы, уставленные кадушками с мочёной брусникой и солёными груздочками, да наострить ушки.

В приоткрытую щёлку он увидел бабаню и барыню. Они стояли друг против друга, и глаза у бабани были грустные и растерянные, как на похоронах.

— Мне достало немало труда вырваться к вам и разыскать его. Я знаю, он у вас, — на одном дыхании говорила барыня с нездешним, твёрдым выговором. — Но Елизавета решительно отказывалась назвать мне вашу деревню.

— Село, — поправила бабаня.

Дыхание шло из неё с прерывистым посвистом. Так было, когда она однажды занемогла и несколько дён пролежала на печи. Сила тогда и дрова носил, и чугушки в печь ставил.

Барыня стояла спиной к двери, и Сила мог видеть только её спину в синем суконном пальто,

подбитом лисьим мехом, и пушистый белый платок тонкой вязки.

— Конечно, село. Не имеет значения, — поведя плечом, пробормотала барыня. — Я приехала предупредить, что Жорж, мой муж, узнал... — она ненадолго замолчала, явно подбирая слова, — узнал о том, что было. Он в ярости и клянётся убить источник своего позора. Вам надо срочно предпринять меры. Вот, возьмите, — барыня протянула руку и положила на стол несколько денежных бумажек. — Лиза сказала, что в прошлый раз вы отказались от платы. Возьмите сейчас и увезите его из этих мест, — она схватилась за горло, — и из моей жизни, потому что я хочу забыть тот проклятый день.

Сила не понимал, о чём идёт речь, но догадывался, что барыня говорит бабани что-то плохое, от чего бабанины щёки и шея налились густой бордовой краской. От обиды за бабаню Силу кинуло в жар: надо постоять за неё! Прогнать барыню! Или он не настоящий мужик?!

«Настоящий! Самый настоящий», — промелькнуло в голове. Точёным веретеном он выкатился из двери и заслонил собой бабаню. Сила не мог сообразить, что сказать, поэтому просто сжал кулаки, опустил лоб и набычился, готовый драться на кулачках хоть до крови из носу.

Лицо барыни было закутано платком по самые глаза — большие и испуганные. Она посмотрела

на него долгим, влажным взглядом а потом молча развернулась и вышла прочь из избы.

— Но, пошла, кауряя! — проник в избу крик старосты, оборванный скрипом саней по накатанной колее.

* * *

Сперва Сила с бабаней долго ехали на санях до маленькой почтовой станции на перекрёстке двух дорог. Отвезти их до города подрядился одноглазый плотник — дядя Степан.

Укутанный в огромный овчинный тулуп, Сила привалился к бабаниному боку и смотрел, как вдоль санного пути качаются тёмные лапы ельника и дрожат на ветру розоватые стволы берёз.

Снега ещё лежали большие, глубокие, но галки уже драли глотки в предчувствии ранней весны. В иных местах птиц скапливалось столь много, что казалось: небо покрыто живой тёмной сетью. Сеть шевелилась, то сбивалась в кучу, то вдруг раскрывалась от края до края, словно бы кто-то невидимый ловил в облаках огромную небесную рыбу.

От волнения, что в первый раз едет в большой мир, и от того, что бабанины глаза на мокром месте, в Силиной душе боролись страх и радость. Он не мог решить для себя, бояться ли ему предстоящего или радоваться тому новому и непонятному, что скоро войдёт в его жизнь.

Пока лошади отдыхали на станции, бабаня успела разложить на столе крутые яички и варёную картоху:

— Ешь, Сила, набирайся силы.

Обычно бабаня говорила это весело, но сегодня её голос звучал тускло, как осенний день. И смотрела бабаня не на Силу, а куда-то насквозь, через него, будто боялась встретиться с ним глазами. Ему не сиделось на месте, и он то и дело нудил:

— Мы скоро приедем, бабань, скоро?

— Скоро, Силушка, скоро. Через десяток вёрст реку переедем, а там ещё чуток.

Бабаня гладила его мягкой рукой по макушке, встрёпывая тонкие волосёнки, и Сила блаженно замирал от этой нехитрой ласки, словно старался сохранить каждую искорку их общей любви.

Намаявшись в дороге, въезд в город Сила проспал. Его разбудили возле постоялого двора, где они с бабаней улеглись спать на одни нары, крытые домотканым ковриком. Лежать на жёстких досках было неудобно, но Сила не капризничал, понимал, что бабане ещё хуже: ясное дело, он-то молодой, а старым косточкам какво?

Утром, пока Сила пил молоко, принесённое хозяйкой постоялого двора, бабаня молилась перед иконами, кладя поклоны с сугубым усердием, едва ли не до пола.

— Отче наш, Иже еси на небесех...

Известные до последнего звука слова молитвы растекались по углам просторной клетки, уставленной дощатыми нарами.

По соседству, раскинув руки, храпел губастый мужик в красной косоворотке. Притулившись в углу, тихо шептались две старушки, по виду странницы. Одна из них, с хитренькими мышиными глазками, поглядывала с остреньким любопытством в сторону Силы, пока тот не повернулся спиной.

Увидев, что кружка с молоком опустела, бабья поманила Силу рукой, а когда он подошёл, жарко обняла за плечи:

— Помни, родимый: крестись чаще. Крест — то же самое, что замок на двери. Крепче замкнёшь свою дверцу — ни один враг не одолеет. И ещё помни: ничего и никого, кроме Господа, не бойся. Страх — он только в глазах и в голове гнездится, а вот в сердце его не допускай.

«Зачем она говорит мне это? — с возрастающей тревогой подумал Сила. — Разве может быть страх, если рядом бабья? Я за ней как за каменной стеной».

Сравнение бабьи с каменной стеной привело его в хорошее настроение и заставило фыркнуть в сложенные ладошки, за что бабья смазала его по вихрам:

— Не смей хихикать, коли перед иконами стоишь.

По городу он шёл с бабаней рука об руку, забыв закрыть рот от полноты впечатлений. Спыхватился лишь перед тесовыми воротами, прикрывавшими вход во двор. Изба, смотревшая на дорогу пятью окнами, была под стать воротам — приземистая, но мощная, на высокой каменной клети. В окнах не слюда или бычьи пузыри вставлены, а настоящие стёкла! Ставни, крашенные синей краской, распахнуты, на подоконниках алыми огоньками полыхают герани.

— Ну, с Богом, — сказала бабаня, перед тем как стукнуть кольцом о дверной косяк.

Дверь распахнулась, и на пороге возникла босоногая девчонка с тощей косицей.

— Хозяин дома? — уважительно произнесла бабаня. — Мы к Прову Акимовичу с поклоном.

Девчонка несколько раз моргнула, а потом развернулась и умчалась в горницу, стуча пятками.

Почти сразу же в глубине дома раздались голоса, и навстречу выкатился невысокий, кругленький мужичок с волосами, зачёсанными по купецки на прямой пробор.

— Никак сама Агафья Ионовна!

Расцеловав бабаню в обе щеки, Пров Акимович неожиданно голосисто воскликнул:

— Маврушка, дочки, пойдите поздороваться с дорогой гостьюшкой. Кабы не она, меня бы на свете не было.